Илья Северин
Канцелярия последнего света
Книга I
«Последний ангел милосердия»

Илья Северин

Канцелярия Последнего Света. Книга I. Последний ангел милосердия

https://litres.ru/74695737
SelfPub; 2026

Аннотация

В Небесной канцелярии всё подчиняется правилам. Каждая душа учтена, каждая судьба записана, а у каждого чуда есть своя цена.

Элиан привык верить системе, которой служит. Но однажды за привычным порядком проступает нечто, чего не должно существовать: забытые миры, двери, ведущие в невозможное, и тайны, ради которых кто-то готов переписать саму реальность.

Чем ближе Элиан к истине, тем яснее становится: иногда страшнее всего не то, что скрывается за дверью, а тот, кто запрещает её открывать.

И если небеса лгут — кому тогда доверить свою душу?

Содержание

Глава первая. Комната испытаний 5
Глава вторая. Три единицы вмешательства 27
Глава третья. Та, которая не должна была видеть 50
Глава четвёртая. Дверь, которую нельзя открывать 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Илья Северин Канцелярия Последнего Света. Книга I. Последний ангел милосердия

Канцелярия Последнего Света

Книга I "Последний ангел милосердия"

В Небесной канцелярии всё подчиняется правилам. Каждая душа учтена, каждая судьба записана, а у каждого чуда есть своя цена.

Элиан привык верить системе, которой служит. Но однажды за привычным порядком проступает нечто, чего не должно существовать: забытые миры, двери, ведущие в невозможное, и тайны, ради которых кто-то готов переписать саму реальность.

Чем ближе Элиан к истине, тем яснее становится: иногда страшнее всего не то, что скрывается за дверью, а тот, кто запрещает её открывать.

И если небеса лгут — кому тогда доверить свою душу?

Глава первая. Комната испытаний

В Небесной канцелярии не было утра.

Здесь не всходило солнце, не наступали сумерки и не существовало привычного людям движения времени, отмечаемого тенью на стене или медленным угасанием огня в очаге. Свет присутствовал всегда — ровный, холодный, лишённый источника. Он лежал на белом камне, скользил по высоким сводам, отражался в полированных дверях и делал лица ангелов удивительно похожими друг на друга.

Только часы продолжали идти.

Они висели повсюду: над лестницами, в переходах между отделами, над дверями архивов и в длинных коридорах, где бесконечные ряды служащих переносили папки из одного кабинета в другой. Одни были золотыми, с тонкими стрелками и римскими цифрами. Другие состояли из прозрачных колец, вращавшихся вокруг неподвижной точки. Третьи вообще не имели циферблата — лишь несколько тёмных символов, которые медленно менялись, когда никто на них не смотрел.

Никто не знал, зачем здесь столько часов.

Возможно, они напоминали ангелам, что время существует.

Возможно, предупреждали, что даже вечность подлежит учёту.

Элиан не любил смотреть на них.

В особенности сегодня.

Он стоял перед высокой дверью из светлого камня и старался не обращать внимания на собственные руки. Пальцы были сцеплены слишком крепко. Если бы он был человеком, то, вероятно, вспотел бы. Если бы был человеком, сердце сейчас колотилось бы где-то в горле, а во рту пересохло бы так, что он не смог бы произнести ни слова.

Но он не был человеком.

Поэтому его тело сохраняло безупречное спокойствие, а страх оставался внутри — безмолвный, неприятный, похожий на тонкую трещину в прозрачном стекле.

— Ты сломаешь себе пальцы, — сказала Серафина.

Элиан разжал руки.

— Они не ломаются.

— Я знаю. Поэтому и говорю, что ты занимаешься бессмысленным делом.

Она стояла рядом, прислонившись плечом к колонне. Её форменная одежда была безупречно чистой: тёмно-синяя туника, серебряные застёжки, узкий пояс с выгравированным знаком Академии. Светлые волосы были собраны на затылке, ни одна прядь не выбивалась из причёски. Даже крылья, сложенные за спиной, лежали ровно, словно их расположение заранее определили чертежом.

Элиан подозревал, что Серафина могла бы выглядеть так же безупречно даже в эпицентре сотворения мира.

— Ты не волнуешься? — спросил он.

— Нет.

— Совсем?

— Я подготовилась.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она посмотрела на дверь.

Над ней золотыми буквами было выведено:

ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ ПАЛАТА № 7.

Ниже располагалась небольшая металлическая табличка.

ДОПУСК ТОЛЬКО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ НАСТАВНИКА.

Элиан прочитал надпись в четвёртый раз.

Он знал её наизусть. Знал и то, что за дверью находилось помещение, о котором ученикам рассказывали на протяжении последних трёх столетий их обучения. Там не было учебников, письменных заданий или экзаменационных листов. Там не задавали вопросов, на которые можно было ответить правильно.

Там давали человеку умереть.

И смотрели, что сделает ангел.

Конечно, в Академии это формулировали иначе.

«Создание кризисной среды с ограниченными возможностями корректирующего вмешательства».

Так говорилось в учебном пособии.

Элиан до сих пор помнил эти слова. Они были напечатаны

на первой странице раздела о практическом служении, под изображением улыбающегося человека, который протягивал руку другому человеку у края обрыва.

Подпись под изображением гласила:

«Своевременное вмешательство повышает вероятность благоприятного исхода».

Почему-то именно эта фраза казалась Элиану особенно страшной.

— Ты опять думаешь о пособии, — заметила Серафина.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя лицо человека, который пытается найти смысл в официальной формулировке.

— А разве в них нет смысла?

— Есть. Но обычно не тот, который ты ищешь.

Элиан хотел спросить, что она имеет в виду, однако дверь открылась прежде, чем он успел произнести хотя бы слово.

За ней стоял наставник Мориэль.

Он был высок даже по меркам ангелов. Серебристые волосы зачёсаны назад, лицо бледное, почти бескровное, глаза цвета старого пепла. Его тёмная мантия не имела украшений, если не считать маленького знака Академии на воротнике.

Крылья наставника были сложены за спиной. На нескольких длинных перьях виднелись тёмные полосы, похожие на следы давнего ожога.

Ученики никогда не спрашивали об этих отметинах.

— Элиан. Серафина. Войдите.

Голос Мориэля был негромким, но в нём присутствовало нечто такое, что заставляло слушателя немедленно выполнять распоряжение. Он никогда не повышал голоса. Элиан однажды слышал, как наставник одним коротким предложением остановил спор между двумя старшими ангелами, и с тех пор считал крик признаком недостатка власти.

Они вошли.

Дверь закрылась за ними беззвучно.

Испытательная палата оказалась гораздо больше, чем Элиан представлял.

Снаружи она казалась обычной комнатой за массивной дверью. Внутри же простиралась круглая зала, окружённая колоннами такой высоты, что их верхушки терялись в белёсой дымке под потолком. Пол был выложен чёрным камнем, отполированным до зеркального блеска. На нём отражались колонны, лица и крылья, и от этого возникало странное ощущение, будто под ногами находилась ещё одна палата, перевёрнутая и уходящая в глубину.

В центре зала стоял круглый постамент.

Над ним висела сфера размером с человеческую голову. Её поверхность была прозрачной, но внутри клубились золотистые линии, образуя непрерывно меняющиеся узоры. Иногда линии складывались в подобие карты. Иногда напоминали кровеносные сосуды. Однажды Элиану показалось, что он видит в глубине сферы человеческий глаз.

Он моргнул.

Глаз исчез.

Вдоль дальней стены располагались пять высоких кресел. Четыре были пусты. В пятом сидел ангел в светлой мантии с золотой каймой.

Его лицо Элиан знал по портретам в учебных залах.

Архангел Азраэль.

Он не двигался, не перелистывал документов и не смотрел на часы. Его руки спокойно лежали на подлокотниках, а взгляд был направлен на сферу в центре помещения.

Элиан невольно замедлил шаг.

Архангелы не посещали экзамены молодых ангелов.

По крайней мере, об этом не говорилось ни в одном из учебных руководств.

— Наставник, — тихо произнесла Серафина. — Мы не знали, что сегодня будет присутствовать представитель Совета.

— Теперь знаете, — ответил Мориэль.

Он не добавил ничего.

Элиан почувствовал, как внутри него что-то сжалось.

Если на экзамен пришёл архангел, значит, испытание имело особое значение. Возможно, они с Серафиной должны были продемонстрировать нечто большее, чем умение распознать опасность и совершить допустимое вмешательство.

Возможно, это был не обычный экзамен.

— Подойдите к постаменту, — приказал Мориэль.

Они подчинились.

Вблизи сфера оказалась ещё страннее. Золотистые линии внутри неё двигались не хаотично: они пересекались, расходились и вновь сходились, словно следовали сложным правилам, невидимым человеческому глазу. Время от времени между ними вспыхивали крошечные точки.

Элиан насчитал семь.

Потом восемь.

Потом перестал считать, потому что точки начали исчезать.

— Перед вами модель ограниченного наблюдения, — произнёс наставник. — Сегодня вы получите возможность сопровождать человеческую судьбу в условиях, приближённых к земным. Ваша задача — оценить ситуацию, определить возможные угрозы и оказать необходимую помощь, не нарушая установленных ограничений.

Слова были знакомы. Элиан слышал их сотни раз.

Но в этой комнате они звучали иначе.

— Каждый из вас получит собственный участок наблюдения, — продолжил Мориэль. — Вмешательства ограничены. Избыточное вмешательство считается ошибкой. Отсутствие необходимого вмешательства — тоже. Вы должны различать ситуации, в которых помощь необходима, и ситуации, в которых человек должен самостоятельно принять решение.

— А если мы не сможем определить разницу? — спросил Элиан.

Мориэль посмотрел на него.

— Тогда вы не готовы к служению.

Ответ был простым. Возможно, даже справедливым.

Но Элиану показалось, что наставник не ответил на настоящий вопрос.

— Время испытания не соответствует времени Земли, — добавил Мориэль. — Наблюдаемая ситуация может развиваться быстрее или медленнее. Не пытайтесь сравнивать её с привычным ходом времени. Не пытайтесь искать скрытые условия. Не пытайтесь проверять пределы модели.

Последние слова прозвучали несколько отчётливее остальных.

Элиан поднял глаза.

— А если обнаружится ошибка?

Впервые за всё утро наставник сделал паузу.

Она длилась всего мгновение, но Элиан заметил её.

— Ошибки модели не относятся к компетенции испытуемого.

— Но если из-за ошибки пострадает человек…

— Элиан.

В голосе Мориэля не было угрозы. Только предупреждение.

— Ваша задача — служение. Не расследование.

Архангел Азраэль едва заметно повернул голову.

И посмотрел на Элиана.

Это был спокойный, почти доброжелательный взгляд. В

нём не было ни раздражения, ни любопытства. Лишь внимание человека, который заметил незнакомую деталь в давно изученном механизме.

Элиан отвёл глаза.

— Понял, наставник.

— Хорошо.

Мориэль коснулся ладонью поверхности сферы.

Золотые линии внутри неё остановились.

На чёрном полу перед каждым учеником возник светящийся круг. Элиан встал в центр своего. Серафина сделала то же самое. Свет поднялся от пола, окружил их ноги и медленно пополз вверх, словно вода, заполняющая невидимые сосуды.

Элиан ощутил лёгкое давление в груди.

Затем исчезла комната.

Не погасла. Не растворилась в сиянии.

Она просто перестала существовать для его чувств.

На смену запаху холодного камня пришёл запах пыли.

Вместо ровного небесного света возникло солнце.

И впервые за долгие столетия Элиан почувствовал жар.

Он стоял посреди пустыни.

Песок простирался до самого горизонта, поднимаясь мягкими золотистыми волнами. Небо было выцветшим, почти белым, и от этого казалось бездонным. На западе темнели скалы, похожие на спины огромных спящих животных. Ветер поднимал мелкие песчинки и бросал их в лицо.

Элиан опустил взгляд на свои руки.

Они выглядели как прежде.

Но теперь он ощущал прикосновение каждой песчинки к коже.

Он чувствовал сухость воздуха. Давление собственных ступней на песок. Жар, исходивший от земли. Где-то вдалеке кричала птица.

И ещё он чувствовал страх.

Не свой.

Человеческий.

Он повернул голову.

В нескольких десятках шагов от него брёл мужчина лет сорока. Его одежда была покрыта пылью, рубашка прилипла к спине, а губы потрескались от жажды. На плече висела небольшая сумка. Одну руку он прижимал к боку, словно там болело, другую держал перед собой, заслоняясь от солнца.

Мужчина остановился, пошатнулся и опустился на колено.

Элиан сразу понял: обезвоживание. Истощение. Возможно, травма.

Он знал, как должен выглядеть человек, оказавшийся в пустыне без достаточного количества воды. Они изучали подобные случаи. На занятиях разбирали признаки теплового удара, ошибки при поиске источника воды, последствия паники и неправильного распределения сил.

Но ни одна лекция не передавала того, как страшно было смотреть на человека, который пытался подняться и не мог.

— Начало наблюдения, — произнёс голос.

Он раздался не снаружи, а словно возник непосредственно в сознании Элиана.

— Объект наблюдения: мужчина, сорок два земных года. Условия: экстремальная жара, ограниченный запас воды, неизвестное направление к ближайшему населённому пункту. Задача: обеспечить вероятность выживания в пределах допустимого вмешательства.

Перед глазами Элиана появились тонкие светящиеся знаки.

Они напоминали письмена, но складывались в понятные ему сведения. Состояние человека. Оценка риска. Возможные направления движения. Вероятности различных исходов.

Цифры менялись.

Элиан попытался сосредоточиться на них.

Мужчина поднялся на ноги.

Сделал несколько шагов.

И снова остановился.

— Допустимое вмешательство: три единицы, — сообщил голос. — Самостоятельное действие объекта имеет приоритет.

Три единицы.

Элиан знал это правило. Каждое вмешательство расхо-

довало часть доступного ресурса. Можно было изменить направление ветра на несколько секунд, вызвать у человека краткое воспоминание, подсказать ему через внезапную мысль, где искать укрытие.

В исключительных случаях разрешалось воздействовать на физические обстоятельства.

Но только тогда, когда иные возможности были исчерпаны.

Элиан оглядел пустыню.

Слева лежала цепочка камней. Справа песок уходил к скалам. Чуть впереди темнела сухая впадина, в которой могло оказаться укрытие.

Мужчина выбрал направление к скалам.

Элиан последовал за ним.

Ветер усилился. Песок шуршал под ногами, поднимался тонкими облаками и оседал на одежде человека. Тот шёл медленно, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Несколько раз он подносил ко рту флягу, но каждый раз отнимал её, не сделав ни глотка.

Он берег воду.

Элиан почувствовал уважение к этому незнакомцу. Тот не знал, где находится, не знал, сколько ещё ему идти, но всё равно продолжал двигаться.

Через несколько минут мужчина добрался до камней.

Здесь было немного прохладнее. Узкие тени лежали между скальными выступами, и человек почти упал в одну из

них, прислонившись спиной к камню.

Он закрыл глаза.

— Объект демонстрирует снижение двигательной активности, — сообщил голос. — Рекомендуется корректировка направления движения.

Перед Элианом возникло несколько возможных вариантов.

Он мог вызвать у мужчины мысль о том, что следует двигаться дальше вдоль скал. Мог слегка изменить ветер, направив его к безопасному проходу. Мог оставить всё как есть и посмотреть, способен ли человек самостоятельно оценить ситуацию.

Элиан выбрал первый вариант.

Он не произнёс ни слова. Просто сосредоточился на мысли, которую хотел передать.

Не здесь.

Дальше.

Найди тень.

Мужчина открыл глаза.

Некоторое время он сидел неподвижно, глядя на песок между собственных ботинок. Затем поднял голову, словно прислушиваясь к далёкому звуку.

— Вода, — прошептал он.

Элиан нахмурился.

Он не посылал ему такую мысль.

Мужчина медленно повернулся к скалам, встал и двинул-

ся вдоль каменной стены.

Это было разумно. За выступами могло оказаться углубление, в котором сохранилась тень. Возможно, человек найдёт там безопасное место, где сможет переждать самую сильную жару.

Элиан уже собирался отметить результат вмешательства, когда заметил движение.

Совсем небольшое.

Тонкая тень скользнула между двумя камнями.

Сначала он решил, что это ящерица.

Затем увидел голову.

Змея лежала в узкой расщелине, почти сливаясь с песком. Её тело было неподвижным, а голова приподнята над землёй. Когда мужчина приблизился, змея медленно вытянулась, готовясь к броску.

Человек её не видел.

Элиан замер.

Он знал, что должен делать.

Сначала оценить вероятность укуса. Затем определить, существует ли возможность изменить направление движения объекта. После этого — при необходимости — применить доступное вмешательство.

Он знал порядок действий.

Знал, сколько секунд обычно требовалось на оценку.

Знал, что торопиться нельзя.

Но змея уже двигалась.

Мужчина сделал ещё один шаг.

Его ботинок почти коснулся песка рядом с головой змеи.

Элиан увидел, как та резко приподнимается.

В этот момент всё, чему его учили, вдруг показалось далёким и бессмысленным. Перед ним был не объект наблюдения. Не запись в реестре. Не набор показателей, которые требовалось привести к допустимым значениям.

Перед ним был человек, который не видел опасности.

Человек, который сделал всё, что мог, чтобы выжить.

Человек, которому оставалось жить, возможно, несколько десятилетий.

И который мог умереть сейчас — только потому, что Элиан должен был дождаться разрешения.

— Запрос на вмешательство, — произнёс голос.

Элиан не ответил.

Змея бросилась вперёд.

Он действовал раньше, чем успел подумать.

Воздух между человеком и змеёй дрогнул. Песок взметнулся узкой стеной, словно по земле ударила невидимая ладонь. Мужчину отбросило в сторону, и он тяжело упал на спину. Змея ударилась о камень, извиваясь в облаке песка.

На несколько мгновений пустыня погрузилась в тишину.

Потом мужчина закричал.

Он отполз от расщелины, прижимая руки к груди. Его лицо было белым от ужаса. Он смотрел на змею, затем на собственные ноги, потом снова на камни.

— Что… что это было?

Элиан не мог ответить.

Перед глазами вспыхнули знаки.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

ПРЕВЫШЕН ЛИМИТ ДОПУСТИМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА.

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.

Элиан смотрел на слова.

Он понимал, что совершил ошибку.

Понимал, что наставник Мориэль потребует объяснений. Что экзаменационная комиссия разберёт каждый момент его действий. Что его могут лишить допуска к служению.

Но мужчина был жив.

Он сидел на песке, тяжело дыша, и смотрел на расщелину, где змея уже скрылась между камнями.

Затем человек опустил голову и засмеялся.

Это был короткий, надломленный смех. Он быстро перешёл в кашель. Мужчина вытер лицо грязной ладонью и несколько раз повторил:

— Господи… Господи…

Элиан не знал, обращался ли тот к кому-то.

На занятиях говорили, что люди часто произносят такие слова в минуты сильного страха. Это не обязательно означало обращение к Небесам. Иногда так выражалось облегчение. Иногда — привычка. Иногда — отчаяние.

Но сейчас Элиан почему-то не смог вспомнить ни одного объяснения.

Он смотрел на человека и чувствовал странное тепло в груди.

Не гордость.

Не удовлетворение от правильно выполненного задания.

Что-то другое.

Что-то, для чего в учебных пособиях не было подходящего термина.

— Вмешательство зарегистрировано, — повторил голос. — Требуется подтверждение действия.

Элиан молчал.

— Испытуемый Элиан. Подтвердите действие.

Он посмотрел на мужчину.

Тот уже поднялся. Медленно, осторожно, держась одной рукой за камень. Затем оглянулся на скалы и двинулся дальше, стараясь не приближаться к расщелинам.

Он продолжал жить.

Элиан выдохнул.

— Подтверждаю.

На мгновение светящиеся знаки исчезли.

Пустыня замерла.

Ветер перестал двигать песок. Солнце застыло над горизонтом. Человек остановился посреди шага, словно кто-то удержал его за плечо. Даже змея, скрывшаяся в камнях, перестала существовать в движении.

А затем в небе возникла тонкая чёрная линия.

Она протянулась от одного края горизонта к другому, ровная, как трещина на стекле.

Элиан поднял голову.

Он не знал, что это означает.

Не знал, почему никто не предупредил его о подобном явлении.

И не знал, почему при виде этой линии у него возникло чувство, будто он смотрит не на небо, а на что-то, что смотрит в ответ.

Голос вернулся.

Но теперь он звучал иначе.

В нём больше не было безличной ровности экзаменационной системы.

В нём слышался едва заметный сбой, похожий на хрип человека, который пытается говорить сквозь закрытую дверь.

— Испытание приостановлено.

Чёрная линия расширилась.

На мгновение Элиану показалось, что за ней находится не пустота, а огромное пространство, заполненное бесчисленными огнями. Некоторые сияли ярко. Другие едва мерцали. Третьи гасли, оставляя после себя крошечные тёмные пятна.

И где-то среди этих огней он услышал голос.

Не тот, что сопровождал испытание.

Другой.

Очень далёкий.

Очень усталый.

— Наконец-то, — прошептал он.

Потом всё исчезло.

Элиан снова стоял на чёрном каменном полу Испытательной палаты.

Светлая сфера висела над постаментом. Золотые линии внутри неё двигались, словно ничего не произошло. Серафина стояла в соседнем круге, бледная и неподвижная. Мориэль смотрел на Элиана с выражением, которое тот никогда прежде не видел на его лице.

А архангел Азраэль поднялся с кресла.

— Повторите последнее действие, — произнёс он.

Элиан растерянно посмотрел на него.

— Простите?

— Ваше последнее вмешательство. Опишите его.

Голос Азраэля был мягким. Почти доброжелательным.

Но теперь Элиан понимал, почему в учебниках так мало говорилось об архангелах.

Они не нуждались в угрозах.

Им достаточно было задать вопрос.

— Я предотвратил укус змеи, — ответил Элиан.

— Я знаю, что вы сделали. Я спрашиваю, каким образом.

Элиан попытался восстановить в памяти произошедшее. Песок. Камни. Резкое движение змеи. Человек, падающий на землю.

И чёрная линия в небе.

— Я изменил движение воздуха, — сказал он. — Использовал доступное воздействие на физические обстоятельства.

— Согласно вашему допуску, подобное вмешательство не было разрешено.

— Человек мог погибнуть.

— Это не ответ на мой вопрос.

Элиан замолчал.

Азраэль подошёл ближе. Теперь он стоял по другую сторону сферы, и золотистые линии отражались в его глазах.

— Вы видели что-нибудь необычное во время испытания?

Элиан почувствовал, как напряглись пальцы.

Он мог рассказать о чёрной линии.

Мог рассказать о голосе.

Мог описать то, что увидел за пределами неба.

Но почему-то слова застряли в горле.

Он вспомнил лицо человека. Его страх. Смех после того, как опасность миновала.

И понял, что если расскажет правду, то, возможно, больше никогда не сможет увидеть подобное лицо.

— Нет, — ответил Элиан.

Азраэль долго смотрел на него.

Затем улыбнулся.

— Хорошо.

Он повернулся к наставнику.

— Подготовьте полный отчёт. Испытание следует считать завершённым. Результаты остальных учеников передайте в

обычном порядке.

Мориэль слегка склонил голову.

— Разумеется.

Архангел направился к выходу.

У самой двери он остановился и обернулся.

— Элиан.

— Да, господин?

— Запомните одну вещь. На службе вам придётся сталкиваться с решениями, которые кажутся неправильными. Иногда вы будете уверены, что можете изменить исход. Иногда вам даже удастся это сделать.

Он произнёс следующую фразу совершенно спокойно.

— Но способность вмешаться ещё не означает, что вы понимаете последствия.

Азраэль вышел.

Дверь закрылась.

Некоторое время никто не говорил.

Затем Серафина тихо спросила:

— Что произошло в конце?

Элиан посмотрел на сферу.

— Не знаю.

Это была правда.

Но не вся.

Потому что, когда он в последний раз взглянул на золотые линии внутри прозрачного шара, ему показалось, что среди них появилась новая отметка.

Маленькая чёрная точка.

Она находилась там, где прежде не было ничего.

И, пока Элиан смотрел на неё, точка медленно повернулась.

Словно знала, что за ней наблюдают.

Глава вторая. Три единицы вмешательства

Первое, что Элиан услышал после экзамена, был скрип пера.

Звук оказался настолько обыденным, что на несколько секунд он забыл о чёрной линии в небе, о незнакомом голосе и о том, как золотые письмена внутри испытательной сферы внезапно замерли. Скрип пера был настоящим. Он раздавался за дверью палаты, где-то в длинном коридоре, и сопровождался тихим шелестом бумаги.

Кто-то работал.

Кто-то заполнял очередной документ, проверял цифры, ставил отметки в нужных графах и, возможно, даже не подозревал, что в нескольких шагах от него только что произошло нечто, чего не должно было произойти.

Элиан посмотрел на свои руки.

Они больше не дрожали. Собственно, они никогда и не дрожали. Ангелам не требовалось успокаивать сердцебиение, делать глубокие вдохи или сжимать пальцы, чтобы вернуть себе самообладание. Их тела подчинялись иным законам.

Но страх никуда не исчез.

Он просто перестал напоминать страх.

Теперь это было ощущение пустоты под ногами — как будто Элиан стоял на краю лестницы, которой ещё мгновение назад здесь не было.

— Ты солгал архангелу, — произнесла Серафина.

Она говорила негромко. Мориэль находился у постамента и просматривал появившиеся перед ним строки отчёта. Он, казалось, не обращал на учеников внимания, но Элиан уже достаточно хорошо знал наставника, чтобы понимать: тот слышит каждое слово.

— Да, — ответил Элиан.

Серафина повернулась к нему.

— Ты мог сказать, что видел.

— Мог.

— Почему не сказал?

Он хотел ответить, что не знает. Это было бы проще всего. Но он знал. Просто не мог объяснить причину так, чтобы самому не показаться глупцом.

— Мне показалось, что он уже знает.

Серафина нахмурилась.

— Что знает?

— Не знаю.

— Элиан.

— Я серьёзно.

Она несколько секунд изучала его лицо, словно пыталась определить, действительно ли он растерян или лишь скрывает что-то ещё.

— Ты понимаешь, что теперь произойдёт?

— Меня отстранят от служения?

— Если бы всё ограничивалось отстранением, архангел не пришёл бы лично.

Она произнесла это так уверенно, что Элиан почувствовал новый укол тревоги.

— Тогда что?

— Не знаю.

— Ты только что сказала, что знаешь.

— Я сказала, что понимаю, насколько всё серьёзно. Это не одно и то же.

Элиан отвернулся.

В центре палаты сфера медленно вращалась над постаментом. Чёрная точка, которую он заметил перед уходом Азраэля, исчезла. Золотые линии снова складывались в сложные узоры, а прозрачная поверхность отражала высокие колонны и холодный свет.

Всё выглядело так, словно никакого сбоя не было.

Возможно, он действительно ошибся. Возможно, истощённое внимание сыграло с ним злую шутку. Испытательная модель была сложной, а его собственные эмоции могли повлиять на восприятие происходящего.

Но тогда откуда взялся голос?

«Наконец-то».

Элиан повторил эту фразу про себя.

Она не походила на предупреждение. Скорее, на слова то-

го, кто очень долго ждал какого-то события и наконец дождался.

— Элиан.

На этот раз говорил Мориэль.

Наставник стоял у постамента, держа перед собой светящуюся пластину с результатами экзамена.

— Подойдите.

Элиан повиновался.

Серафина осталась на месте, но Мориэль жестом указал и ей приблизиться.

— Ваши результаты будут внесены в реестр сегодня, — сказал он. — Серафина, вы успешно прошли испытание. Ваша оценка соответствует требованиям Академии. Допуск к самостоятельному служению будет оформлен после завершения административной проверки.

Серафина склонила голову.

— Благодарю, наставник.

— Элиан.

Он поднял взгляд.

— В вашем случае решение отложено.

— На какой срок?

— Пока не будет завершено рассмотрение отчёта.

— А сколько оно обычно занимает?

— В обычных обстоятельствах — несколько часов.

Элиан выждал.

Мориэль посмотрел на него поверх пластины.

— В вашем случае я не стану давать прогнозов.

Это было хуже любого конкретного срока.

— Я могу объяснить свои действия, — сказал Элиан. — Человек находился в непосредственной опасности. Змея уже бросилась на него. Если бы я ждал подтверждения, он мог погибнуть.

— Я читал предварительный отчёт.

— Тогда вы понимаете…

— Я понимаю, что вы нарушили установленный порядок вмешательства.

— Но человек выжил.

— Да.

— Разве это не имеет значения?

Мориэль опустил пластину.

В его лице не изменилось ничего, однако Элиан почувствовал, что разговор перестал быть обычным разбором экзамена.

— Имеет, — ответил наставник. — Именно поэтому я советую вам не пытаться упрощать произошедшее до двух вариантов: спасение человека или соблюдение правил.

— Я не понимаю.

— Понимаете. Просто вам не нравится ответ.

Мориэль сделал несколько шагов по чёрному полу. Его отражение двигалось под ногами, словно другой ангел шёл по ту сторону камня.

— Представьте, что вы спасаете одного человека, — про-

должил он. — Он остаётся жив, возвращается домой, растит детей, принимает решения, которые иначе никогда бы не принял. Его дети вырастают, встречают других людей, создают семьи. Один из его потомков однажды совершает поступок, который меняет жизнь тысяч других людей.

— Это возможно, — согласился Элиан.

— Возможно и обратное. Человек погибает, но его смерть приводит к поступку, благодаря которому спасаются сотни. Как вы определите, какой исход правильный?

— Я не могу знать всего заранее.

— Именно.

Мориэль остановился напротив него.

— Поэтому вы обязаны соблюдать ограничения. Не потому, что человеческая жизнь не имеет значения. А потому, что ваше вмешательство имеет значение, которого вы можете не понимать.

Элиан хотел возразить.

Он хотел сказать, что мужчина в пустыне не был отвлечённым звеном в цепочке событий. Он был человеком, которому грозила смерть. И если бы Элиан ничего не сделал, никакие будущие последствия не могли бы превратить его бездействие в милосердие.

Но он промолчал.

Не потому, что согласился.

Потому, что впервые увидел в словах наставника не только оправдание правил, но и настоящий страх.

Мориэль боялся не ошибки.

Он боялся того, что произойдёт, если ангелы начнут считать себя вправе самостоятельно определять, чья жизнь важнее.

— Вы отправитесь на Землю, — неожиданно сказал наставник.

Элиан моргнул.

— Простите?

— Ваш экзамен завершён. Решение о допуске принято.

— Но вы сказали…

— Я сказал, что решение отложено. Теперь оно принято.

— Кем?

Мориэль посмотрел на пластину.

— Архангельским советом.

Серафина тихо выдохнула.

Элиан почувствовал, как внутри него что-то оборвалось.

— Значит, меня допустили к служению?

— Да.

— Несмотря на нарушение?

— Нет. С учётом нарушения.

Наставник коснулся поверхности пластины, и над ней возникли новые строки.

— Ваша первая задача назначена на сегодняшний цикл. Вы получите ограниченный доступ к реестру человеческих судеб, пройдёте инструктаж и отправитесь к месту наблюдения.

— А отчёт по экзамену?

— Будет приложен к вашему личному делу.

— А аномалия…

Мориэль резко поднял глаза.

Элиан замолчал.

Между ними повисла тишина.

Серафина смотрела то на одного, то на другого. Теперь даже она понимала, что разговор касается чего-то большего, чем обычное нарушение.

— Какая аномалия? — спросила она.

— Никакой, — ответил Мориэль.

Он произнёс это слишком быстро.

Затем убрал пластину.

— Элиан, вы получите первое задание в течение часа. До этого момента не покидайте административный сектор. Не пытайтесь самостоятельно получить доступ к материалам экзамена. И, что особенно важно, не обсуждайте произошедшее с другими учениками.

— Даже с Серафиной?

— Особенно с теми, кто участвовал в испытании.

Наставник развернулся и направился к выходу.

У двери он остановился.

— И ещё одно.

Элиан поднял голову.

— На Земле вы увидите много вещей, которые покажутся вам неправильными. Иногда люди будут страдать без види-

мой причины. Иногда хорошие люди будут совершать дурные поступки. Иногда помощь, которую вы окажете, не приведёт к желаемому результату.

Мориэль посмотрел на него.

— Не пытайтесь исправить весь мир за один день. Даже если вам покажется, что вы знаете, как это сделать.

Он вышел из палаты.

Дверь закрылась.

Серафина некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Я надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе повезло.

Элиан посмотрел на неё.

— Ты считаешь, что мне повезло?

— Тебя допустили к служению после нарушения, которое могло закончиться гораздо хуже. Тебе дали настоящее задание. Ты увидишь Землю не через модель, а такой, какая она есть.

— А ты?

— Мне тоже дали задание.

Она улыбнулась, но улыбка вышла короткой и какой-то неуверенной.

— Только, в отличие от тебя, я не собираюсь начинать службу с того, что пугаю архангелов.

— Не думаю, что я их напугал.

— Тогда почему наставник побледнел, когда ты заговорил об аномалии?

Элиан не ответил.

Серафина подошла ближе.

— Что ты видел?

Он мог рассказать ей.

Серафина была его другом. Не самым близким, не тем, кому он доверял безоговорочно, но единственным существом в Академии, рядом с которым ему не приходилось притворяться, будто он понимает устройство мира лучше, чем на самом деле.

Он хотел рассказать о чёрной линии.

О голосе.

О том, что на мгновение пустыня показалась ему настоящей не потому, что была хорошо созданной моделью, а потому, что кто-то за пределами испытания смотрел на него через неё.

Но перед глазами снова возникли слова Азраэля.

«Способность вмешаться ещё не означает, что вы понимаете последствия».

— Ничего, — сказал Элиан. — Просто показалось, что система дала сбой.

Серафина долго смотрела на него.

— Ты ужасно лжёшь.

— Знаю.

— Постарайся хотя бы научиться делать это убедительно, прежде чем попадёшь на Землю.

Она отвернулась и направилась к двери.

У самого выхода Серафина остановилась.

— Элиан?

— Да?

— Если ты действительно увидел что-то необычное, будь осторожен.

В её голосе не было насмешки.

— Я не знаю, что происходит, — добавила она. — Но мне не нравится, что архангелы вдруг заинтересовались экзаменом двух учеников.

Она ушла.

Элиан остался один.

Несколько мгновений он смотрел на сферу, затем отвёл глаза и направился к выходу.

Ему предстояло начать службу.

И он почему-то был уверен, что это произойдёт гораздо раньше, чем ему хотелось бы.

Административный сектор находился на семь уровней ниже Академии.

По крайней мере, так утверждали указатели.

В Небесной канцелярии понятие уровня было условным. Лестницы иногда вели вниз, хотя за окнами открывался вид на бесконечное небо. Коридоры могли пересекать друг друга под углами, которые не существовали в человеческой архитектуре. Некоторые двери открывались только после того, как посетитель забывал, зачем пришёл.

Элиан никогда не понимал, почему Небеса устроены таким образом.

В учебниках говорилось, что архитектура Канцелярии отражает сложность самой службы. Каждый отдел имел собственное пространство, подчинённое его функциям. Архивы располагались в глубине, отделы распределения — ближе к центральным переходам, а административные помещения занимали несколько уровней между ними.

Это объяснение устраивало большинство учеников.

Элиана — нет.

Ему казалось, что здание не отражает устройство организации.

Оно скрывает его.

На седьмом уровне было холоднее, чем в Академии. Свет здесь казался сероватым, а белый камень приобрёл оттенок старой кости. Вдоль стен тянулись длинные ряды дверей. Над каждой висела табличка с названием отдела.

«Регистрация первичных вмешательств».

«Отдел вероятностных отклонений».

«Архив незавершённых судеб».

«Управление повторных обращений».

Элиан задержался перед последней табличкой.

Повторные обращения.

Он представил человека, который обращался к Небесам один раз, потом второй, потом третий. Человека, который молился, просил о помощи, пытался найти ответ и в конце

концов переставал надеяться.

Что происходило с такими обращениями?

Получал ли кто-нибудь их вообще?

Или они просто складывались в бесконечные стопки, ожидая, пока чей-то срок не истечёт?

— Если будете стоять перед каждой табличкой, к Земле доберётесь не раньше следующего столетия.

Элиан обернулся.

Перед ним стоял невысокий ангел в серой форме служащего. У него было круглое лицо, короткие светлые волосы и тонкие очки, которые казались совершенно ненужными существу, способному видеть мельчайшие детали на огромном расстоянии.

Под мышкой он держал толстую папку.

— Вы Элиан? — спросил он.

— Да.

— Хорошо. Я Кассиэль. Отдел распределения служебных поручений. Ваше дело поступило к нам несколько минут назад.

Кассиэль протянул руку.

Элиан пожал её.

Рукопожатие было сухим и неожиданно крепким.

— Поздравляю с успешным завершением экзамена, — сказал служащий. — Ваш допуск оформлен с дополнительными ограничениями.

— Какими?

— Ограниченный доступ к реестрам. Обязательная отчётность после каждого вмешательства. Запрет на самостоятельное изменение параметров задания. Все случаи превышения допустимого вмешательства подлежат отдельному рассмотрению.

Кассиэль говорил так, словно перечислял ингредиенты давно знакомого блюда.

— Это стандартные меры? — спросил Элиан.

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Это значит, что обычно их назначают после первого нарушения, а не перед первым служебным поручением.

Кассиэль открыл папку и извлёк из неё тонкую пластину.

— Ваша задача зарегистрирована под номером…

Он замолчал.

Нахмурился.

Перевернул пластину.

Провёл пальцем по её поверхности.

— Странно.

— Что случилось?

— Ничего. Возможно, техническая ошибка.

Кассиэль коснулся пластины ещё раз. На ней появились светящиеся строки.

Элиан заметил, что некоторые из них были затёрты.

Не зачёркнуты, не удалены привычным способом. Они словно растворялись прямо в поверхности, оставляя после

себя серые следы.

— Вы можете прочитать назначение? — спросил Элиан.

— Конечно.

Кассиэль помолчал.

— Ваше первое поручение относится к категории малых корректирующих вмешательств. Объект наблюдения — женщина, шестьдесят восемь лет. Место пребывания — Земля, европейский сектор. Уровень риска низкий. Допустимый лимит вмешательства — три единицы.

Он поднял глаза.

— Любопытное совпадение.

Элиан почувствовал, как внутри него похолодело.

— Почему?

— Потому что лимит в три единицы обычно назначают для простых случаев, не требующих существенного изменения обстоятельств.

— И что мне нужно сделать?

Кассиэль снова посмотрел на пластину.

— Помочь объекту принять решение, которое она откладывает уже несколько лет.

— Какое решение?

— В материалах не указано.

— Но как я должен ей помочь, если не знаю, в чём проблема?

Кассиэль слегка улыбнулся.

— Именно для этого вас и обучали.

Он протянул Элиану пластину.

— На Земле вы увидите больше, чем здесь. Люди редко формулируют свои настоящие проблемы в заявлениях. Иногда они сами не понимают, что их беспокоит. Иногда знают, но не хотят признаваться. А иногда им требуется не решение, а возможность впервые за долгое время быть услышанными.

Элиан посмотрел на пластину.

Внизу, под основным текстом, находилась небольшая строка.

ПРЕДЫДУЩИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА: 0.

Он провёл пальцем по надписи.

Под ней что-то мелькнуло.

На мгновение возникла ещё одна строка.

СТАТУС: НЕ ПОДЛЕЖИТ КОРРЕКТИРОВКЕ.

Элиан моргнул.

Строка исчезла.

— Что означает «не подлежит корректировке»? — спросил он.

Кассиэль нахмурился.

— Где?

— Здесь. Под количеством предыдущих вмешательств.

Служащий забрал пластину и внимательно посмотрел на неё.

— Здесь ничего нет.

— Я видел надпись.

— Возможно, отражение.

— Она была на самой пластине.

Кассиэль некоторое время молчал.

Затем аккуратно убрал пластину в папку.

— Элиан, — сказал он, и теперь в его голосе не осталось прежней доброжелательности, — в вашей работе будет много необычного. Но если вы станете искать скрытый смысл в каждом символе, то очень скоро перестанете различать важное и случайное.

— Вы хотите сказать, что мне показалось?

— Я хочу сказать, что ваша задача — помогать людям. Всё остальное не относится к вашей компетенции.

Элиан услышал знакомую интонацию.

Сначала Мориэль.

Потом Азраэль.

Теперь Кассиэль.

Три разных ангела, три разных должности — и почти одни и те же слова.

Он вдруг подумал, что в Канцелярии существует нечто гораздо более древнее, чем правила. Нечто, чему обучали не на занятиях, а через повторение фраз, одинаковых предупреждений и одинакового молчания.

Он кивнул.

— Я понял.

Кассиэль, казалось, удовлетворился ответом.

— Прекрасно. Тогда пройдёмте к переходу. Ваше окно отправления открывается через двадцать минут.

— Окно?

— Между Небесами и Землёй.

Служащий направился по коридору.

Элиан последовал за ним.

Переход находился за дверью без таблички.

Она ничем не отличалась от остальных, если не считать узкой полосы тёмного металла, проходившей по центру. Когда Кассиэль коснулся её, полоса вспыхнула бледно-голубым светом, и дверь бесшумно открылась.

За ней находилась небольшая круглая комната.

В центре стояло кресло с высокой спинкой. Рядом располагалась стойка, на которой лежали несколько тонких пластин и небольшой прозрачный кристалл.

Стены были покрыты письменами.

Элиан не знал ни одного из этих знаков.

— Садитесь, — велел Кассиэль.

Элиан сел.

Кресло оказалось неожиданно удобным. По его подлокотникам пробежали тонкие световые линии, а перед лицом возникла прозрачная поверхность, на которой начали появляться сведения.

Имя.

Должность.

Уровень допуска.

Номер поручения.

Затем появилось изображение Земли.

Элиан видел её много раз на занятиях, но всегда издалека. Теперь планета была настолько близко, что он различал очертания материков, полосы облаков и глубокую синеву океанов.

Она казалась живой.

Не в том смысле, в каком живыми были люди или животные. Скорее, как огромный организм, существующий по собственным законам, не обращающий внимания на тех, кто наблюдает за ним с высоты.

— Во время перехода вы будете воспринимать земную среду через адаптированную форму, — сообщил Кассиэль. — Ваше физическое проявление будет соответствовать условиям поручения. Способность к непосредственному наблюдению сохранится. Вы сможете воздействовать на ограниченное число обстоятельств в соответствии с допуском.

— А человек сможет меня увидеть?

— Только при определённых условиях.

— Каких?

— Если ваше присутствие станет необходимым для выполнения поручения.

— Это не совсем ответ.

— Для начала достаточно.

Кассиэль коснулся прозрачного кристалла.

По комнате прошла слабая вибрация.

Элиан почувствовал, как кресло словно исчезает из-под

него, хотя его тело продолжало оставаться на месте. Вокруг возникло ощущение падения. Не вниз, а куда-то в сторону, где не существовало ни верха, ни низа.

Он попытался вдохнуть.

Впервые за всё время ему показалось, что он действительно нуждается в воздухе.

— Последняя инструкция, — донёсся голос Кассиэля. — Не вмешивайтесь без необходимости. Не раскрывайте свою природу. Не пытайтесь изменить обстоятельства, выходящие за пределы поручения.

Изображение Земли приблизилось.

Теперь Элиан видел облака над тёмными водами, серые полосы городов, горные хребты и реки, блестевшие на поверхности материков.

Он никогда не думал, что Земля может быть такой огромной.

В учебниках она была картой.

В отчётах — системой координат.

В заданиях — совокупностью человеческих судеб.

Но сейчас она была местом, где кто-то просыпался после бессонной ночи, кто-то опаздывал на работу, кто-то ругался с близкими, кто-то впервые признавался в любви, а кто-то сидел у окна и думал о том, что больше не может жить так, как прежде.

Всё это происходило одновременно.

Миллионы решений.

Миллионы маленьких катастроф.

Миллионы причин продолжать жить.

Элиан вдруг понял, что боится.

Не экзамена.

Не архангела.

Не последствий нарушения.

Он боялся того, что не сможет помочь.

Что увидит человека, которому нужна помощь, и не найдёт нужных слов. Что будет наблюдать за чужой болью и понимать, что любое вмешательство может сделать только хуже.

Что однажды ему придётся оставить человека одного, потому что так предписано правилами.

— Переход начался, — сказал Кассиэль.

Земля заполнила всё поле зрения.

На мгновение Элиан увидел сотни лиц.

Они мелькали одно за другим, не задерживаясь достаточно долго, чтобы он мог рассмотреть их. Молодые и старые. Испуганные и спокойные. Счастливые и усталые. Люди, которые смотрели в небо, и люди, которые никогда не поднимали головы.

Затем лица исчезли.

Остался только один силуэт.

Женщина стояла у окна.

На стекле отражалась её фигура, а за окном шёл дождь.

Она держала в руке чашку, но, казалось, давно забыла о

ней. На столе рядом лежала фотография в старой деревянной рамке.

Элиан не мог прочитать имя женщины.

Не мог рассмотреть фотографию.

Но почему-то почувствовал, что эта сцена ему знакома.

Словно он уже видел её.

Словно она ждала его.

В глубине сознания возник тихий звук.

Скрип пера.

Тот самый, который он услышал сразу после экзамена.

И вслед за ним — голос, которого не должно было быть в переходной комнате.

— Не этого, — прошептал кто-то.

Элиан резко повернул голову.

Комната была пуста.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Я ничего не говорил, — ответил Кассиэль.

Земля приблизилась ещё сильнее.

Женщина у окна подняла голову.

На одно короткое мгновение их взгляды встретились.

Элиан знал, что это невозможно. Она не должна была видеть его. Между ними находились расстояние, переход и все законы, регулирующие отношения между мирами.

Но женщина смотрела прямо на него.

И в её глазах было такое выражение, будто она ждала его уже очень давно.

Затем мир погрузился во тьму.

Последнее, что услышал Элиан перед тем, как началась его первая настоящая служба, был голос Кассиэля:

— Добро пожаловать на Землю.

Глава третья. Та, которая не должна была видеть

— Добро пожаловать на Землю, — повторил Кассиэль.

Элиан не ответил.

Он смотрел на женщину за стеклом.

Она по-прежнему стояла у окна, обхватив ладонями чашку, от которой, кажется, уже давно не поднимался пар. За её спиной темнела небольшая комната, освещённая единственной лампой. На подоконнике лежала раскрытая книга, рядом стояла ваза с засохшими цветами. Дождь стекал по стеклу тонкими неровными дорожками, и в каждой из них отражался свет далёких фонарей.

Обычная человеческая жизнь.

И всё же что-то в этой картине было неправильным.

— Она видит меня, — произнёс Элиан.

— Ты уже говорил это.

— Я думал, мне показалось.

— Тогда перестань думать об этом.

Кассиэль произнёс фразу с той лёгкостью, с какой обычно сообщал, что задание завершено или что очередная форма заполнена с ошибкой. Он поправил манжету тёмного пальто и оглядел улицу.

На Земле он выглядел почти человеком. Высокий, худо-

щавый, с бледным лицом и тёмными волосами, аккуратно зачёсанными назад. Только глаза выдавали в нём нечто чужое: они были слишком спокойными, словно за долгие века Кассиэль научился смотреть на любые события с одинаковым выражением безразличия.

Элиан невольно подумал, что именно так и должен выглядеть тот, кто давно перестал удивляться.

— Что мне делать? — спросил он.

— Выполнить поручение.

— А если она снова посмотрит на меня?

— Не реагировать.

— А если заговорит?

Кассиэль повернулся.

— Тогда особенно не реагировать.

Он сказал это так серьёзно, что Элиан не сразу понял, шутит ли он.

— Я должен помочь женщине принять решение, — напомнил Элиан. — Но я даже не знаю, что это за решение.

— Узнаешь.

— Когда?

— Когда начнёшь работать.

— Ты всегда отвечаешь загадками?

— Только когда меня спрашивают о вещах, на которые у тебя пока нет права знать ответ.

Кассиэль развернулся и направился вдоль улицы.

Элиан последовал за ним, однако через несколько шагов

всё-таки оглянулся.

Женщина больше не смотрела в окно.

Она стояла посреди комнаты, прижав одну руку к груди. Вторую медленно подняла и коснулась пальцами стекла — именно того места, за которым секунду назад находился Элиан.

Затем её губы шевельнулись.

Он не услышал слов.

Но понял, что она произнесла его имя.

Земля пахла дождём.

Элиан никогда прежде не задумывался о том, что у дождя может быть запах. В Канцелярии не было дождей в привычном человеческом понимании. Там существовали потоки света, прозрачные завесы и бесконечные коридоры, в которых время двигалось с безупречной точностью.

Здесь всё было иначе.

Мокрый асфальт, остывший камень, влажные листья, выхлопные газы и что-то сладковатое, доносившееся из открытой двери маленькой пекарни. Где-то неподалёку громко засмеялся человек. Машина проехала по луже, окатив тротуар водой. На противоположной стороне улицы мужчина пытался раскрыть сломанный зонт и ругался так выразительно, что Элиан невольно остановился.

— Не пялься, — бросил Кассиэль.

— Я не пялюсь.

— Ты смотришь на человека, который проигрывает борь-

бу куску ткани.

— Он расстроен.

— У людей много причин расстраиваться.

— Но ведь это можно исправить.

Кассиэль посмотрел на него с неподдельным интересом.

— Что именно?

— Зонт. Возможно, у него есть другой. Или можно просто укрыться в ближайшем здании.

— И ты собираешься помогать каждому, кто попал под дождь?

Элиан замолчал.

Вопрос был задан насмешливо, но ответить на него оказалось труднее, чем он ожидал.

В Канцелярии милосердие описывали как способность распознать чужую боль и определить допустимую меру вмешательства. Существовали правила, ограничения, исключения. Каждая помощь имела предел, а каждый предел — своё обоснование.

Но здесь, среди мокрых улиц и случайных человеческих несчастий, Элиан впервые задумался: если ты видишь, что кому-то плохо, в какой момент решение не помогать становится правильным?

— Вот именно, — сказал Кассиэль, будто услышал его мысли. — На Земле очень легко перепутать сострадание с желанием всё исправить.

— А разве это не одно и то же?

— Нет.

— Почему?

— Потому что иногда ты исправляешь то, что не понимаешь. Иногда спасаешь человека от последствий выбора, который он должен был сделать сам. А иногда, пытаясь удержать одну жизнь, отнимаешь у неё возможность измениться.

Элиан хотел возразить, но не нашёл слов.

Перед его глазами снова возник мужчина из испытания. Змея, замершая над его рукой. Мгновение, в которое Элиан мог отвернуться и сохранить безупречный результат.

Он не отвернулся.

И если бы ему пришлось пережить это мгновение снова, он не был уверен, что поступил бы иначе.

— Ты говоришь так, словно милосердие опасно, — произнёс он.

— Оно и есть опасно.

Кассиэль остановился у перекрёстка.

На противоположной стороне улицы загорелся зелёный сигнал светофора. Люди двинулись вперёд, каждый в своём направлении. Они не смотрели друг на друга, не замечали чужих лиц, обходили лужи и проверяли телефоны.

— Запомни, Элиан, — тихо сказал Кассиэль. — Тебе не нужно спасать весь мир. Тебе нужно научиться видеть одного человека.

— Одного?

— Того, к кому тебя направили.

Он протянул Элиану тонкую карточку.

На ней было напечатано имя.

Марта Вейл. Шестьдесят восемь лет.

Ниже располагались несколько строк, которые постепенно проявлялись, будто чернила проступали сквозь бумагу.

Поручение: содействовать принятию решения, откладываемого в течение нескольких лет.

Ограничение: не раскрывать истинную природу служения.

Допустимое вмешательство: минимальное.

Элиан перечитал последнюю строку.

— Что означает «минимальное»?

— То, что написано.

— Это не ответ.

— Тогда привыкай к земным инструкциям. Здесь даже самые простые вещи часто означают меньше, чем хотелось бы.

— А если она откажется принимать решение?

— Это будет её право.

— А если она пожалеет?

Кассиэль помолчал.

— Тогда ей придётся жить с сожалением.

Элиан посмотрел на карточку.

Имя Марты казалось совершенно обычным. Таких имён должны были существовать тысячи. Миллионы. В записях Канцелярии человеческие жизни превращались в тонкие нити, переплетённые между собой, — каждая со своим нача-

лом, своими поворотами и концом.

Но почему именно эта женщина?

Почему она видела его?

И почему неизвестный голос произнёс: «Не этого»?

— Кассиэль.

— Что ещё?

— Когда я увидел трещину в небе, ты знал, что это такое?

Лицо Кассиэля не изменилось.

Только пальцы, державшие зонт, на мгновение сжались сильнее.

— Я не знаю, о чём ты говоришь.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Элиан почувствовал, как внутри него шевельнулось знакомое беспокойство.

— Ты ведь даже не спросил, какую трещину я имею в виду.

Кассиэль медленно повернул голову.

На несколько секунд шум улицы словно отдалился. Дождь продолжал падать, но капли вокруг них замедлились, повисая в воздухе крошечными стеклянными бусинами. Люди на тротуаре двигались едва заметно, будто мир задержал дыхание.

— Ты завершил испытание, — произнёс Кассиэль. — Тебе назначено поручение. Ты должен заниматься им.

— Но…

— Не всякая загадка требует ответа.

Мгновение спустя время снова пришло в движение.

Машины зашумели. Кто-то громко хлопнул дверью. Дождь ударил по зонту с прежней силой.

Кассиэль пошёл дальше.

Элиан остался стоять на месте ещё на несколько секунд.

Он понял, что только что получил первое настоящее предупреждение.

И понял, что не собирается ему следовать.

Дом Марты находился в старом квартале, где здания стояли близко друг к другу, словно пытались укрыться от ветра. На первых этажах располагались маленькие магазины, над ними — квартиры с высокими окнами и узкими балконами. На стенах темнели следы сырости, а возле входных дверей стояли велосипеды, забытые кем-то под дождём.

Кассиэль остановился у подъезда.

— Дальше ты сам.

— Ты не пойдёшь со мной?

— Нет.

— Но это моё первое поручение.

— Именно поэтому.

Элиан нахмурился.

— Я не понимаю.

— И не должен понимать всё сразу.

Кассиэль достал из внутреннего кармана небольшую серебристую пластинку и коснулся ею воздуха. На мгновение между его пальцами вспыхнул тонкий круг света, после чего

исчез.

— Тебе разрешено находиться рядом с Мартой Вейл, наблюдать за её поведением и мягко направлять её мысли. Никаких прямых приказов. Никаких обещаний. Никакого раскрытия того, кто ты есть.

— А если она сама спросит?

— Не ответишь.

— А если она уже знает?

На этот раз Кассиэль не ответил сразу.

Он посмотрел на окна третьего этажа.

Одно из них было освещено.

— Люди часто думают, что знают больше, чем знают на самом деле, — наконец сказал он.

— Это тоже инструкция?

— Нет. Это совет.

Кассиэль протянул руку и коснулся плеча Элиана.

Его ладонь оказалась неожиданно холодной.

— И ещё одно. Если услышишь голос, не отвечай ему.

Элиан замер.

— Какой голос?

Кассиэль убрал руку.

— Ты знаешь какой.

После этого он просто исчез.

Не растворился в облаке света, не вспыхнул и не оставил после себя ни единого следа. В один миг он стоял рядом, а в следующий пространство возле подъезда оказалось пустым.

Элиан посмотрел на карточку.

Марта Вейл.

Шестьдесят восемь лет.

Решение, откладываемое несколько лет.

Он глубоко вдохнул, хотя прекрасно знал, что дыхание ему не требовалось, и направился к двери.

Замок не остановил его. Для существа, которому было позволено пересекать границы между мирами, обычная металлическая дверь не представляла особой сложности.

Однако, оказавшись внутри, Элиан впервые почувствовал нечто похожее на неловкость.

Он не знал, как следует входить в чужой дом.

На Земле люди стучали, звонили в звонок, ждали разрешения. Они соблюдали правила, которых не было в его инструкциях, и считали некоторые границы неприкосновенными, даже когда никто не мог их увидеть.

Элиан поднялся на третий этаж и остановился перед дверью квартиры номер семь.

За ней было тихо.

Он мог пройти сквозь стену. Мог оказаться прямо в комнате Марты. Мог прочитать её мысли, если бы позволил себе нарушить установленный предел.

Но вместо этого он поднял руку и постучал.

Разумеется, никто не ответил.

Элиан постучал ещё раз.

Тишина.

Он уже собирался воспользоваться своим правом на незаметное присутствие, когда за дверью послышались медленные шаги.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина с седыми волосами, собранными на затылке. На ней был тёмно-синий кардиган, а на ногах — домашние тапочки. Лицо казалось усталым, но глаза оставались ясными и внимательными.

Она посмотрела на Элиана.

Затем на пустой коридор за его спиной.

И снова на него.

— Долго же ты добирался, — сказала Марта.

Элиан не сразу нашёлся с ответом.

— Простите?

— Я говорю, долго же ты добирался.

Она произнесла это так, словно ждала его не несколько минут, а несколько лет.

— Вы… меня ждали?

Марта чуть склонила голову.

— А разве не за этим ты пришёл?

Элиан вспомнил слова Кассиэля.

Не отвечай.

Но она не спрашивала о его природе. Не спрашивала, откуда он взялся. Она просто смотрела на него, будто перед ней стоял человек, опоздавший на назначенную встречу.

— Я пришёл поговорить, — осторожно сказал он.

— Тогда заходи. На лестнице сквозит.

Она отступила в сторону.

Элиан переступил порог.

В квартире пахло чаем, старой бумагой и чем-то тёплым, напоминавшим яблоки с корицей. В небольшой прихожей стояли две пары обуви, хотя, судя по всему, жила Марта одна. На стене висели часы с деревянным маятником. Они тикали слишком громко для такого маленького помещения.

Элиан остановился перед фотографией в рамке.

На снимке была молодая Марта — лет тридцати, может быть, чуть старше. Рядом с ней стоял мужчина с тёмными волосами, обнимавший её за плечи. Оба улыбались, глядя куда-то в сторону фотографа.

На обороте снимка, лежавшего в незакрытой рамке, виднелась дата.

Двадцать семь лет назад.

— Мой муж, — сказала Марта, заметив его взгляд. — Павел.

Элиан повернулся к ней.

— Он…

— Умер? Да. Давно.

Она произнесла это без дрожи в голосе, но пальцы, сжимавшие край кардигана, выдали её лучше любых слов.

— Мне жаль.

— Не нужно. Ты ведь не знал его.

Марта прошла в комнату и указала на кресло возле окна.

— Садись.

Элиан подчинился.

Она осталась стоять.

— Скажи, — начала Марта, — у тебя есть имя?

Он почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Элиан.

— Элиан, — повторила она, словно проверяя, как имя звучит в комнате. — Красивое.

Она направилась к столу, взяла чашку и осторожно поставила её на блюдце.

— Ты не похож на тех, кого я представляла.

— На кого?

Марта улыбнулась.

— Не заставляй меня говорить вслух то, что ты и сам знаешь.

За окном громыхнул гром.

Элиан посмотрел на стекло.

На мгновение ему показалось, что за отражением комнаты снова проступила чёрная линия. Тонкая, едва различимая, она пересекла небо и исчезла прежде, чем он успел убедиться, что действительно её видел.

Марта проследила за его взглядом.

— Ты тоже её видишь?

Элиан медленно повернулся к ней.

— Что именно?

— Не нужно лгать мне, мальчик.

В её голосе не было угрозы. Только усталость человека, которому слишком долго приходилось объяснять очевидное тем, кто не хотел слушать.

— Я видела её впервые много лет назад, — продолжила Марта. — Думала, что мне показалось. Потом она исчезла. А несколько недель назад вернулась.

Она замолчала и посмотрела на окно.

— С тех пор я почти не сплю.

Элиан почувствовал, как по спине проходит холод.

Несколько недель назад.

Он не знал, почему эти слова показались ему важными, но внутри словно что-то щёлкнуло, вставая на место.

— Вы кому-нибудь рассказывали? — спросил он.

— Конечно. Врачу. Подруге. Однажды даже священнику.

— И что они сказали?

— Что я устала. Что мне нужно больше отдыхать. Что в моём возрасте иногда случаются странные вещи.

Она усмехнулась.

— Люди удивительно изобретательны, когда хотят не замечать чужого страха.

Элиан опустил глаза.

Он вспомнил наставления Мориэля, строгие предупреждения Кассиэля и безупречно выстроенные правила Канцелярии.

Не вмешиваться без необходимости.

Не раскрывать природу служения.

Не менять человеческую судьбу.

Но что делать, когда человеческая судьба сама стучит в твою дверь?

— Марта, — осторожно произнёс он, — какое решение вы откладываете?

Она замерла.

Впервые с момента их встречи её спокойствие дало трещину.

— Кто тебе сказал?

— Мне поручено помочь вам.

— Кто?

— Я не могу…

— Кто тебя прислал?

В комнате стало тихо.

Даже часы, казалось, перестали тикать.

Элиан посмотрел на Марту и понял, что она не просто испугана. Она боялась услышать ответ.

— Я не могу назвать вам того, кто направил меня, — сказал он.

Марта медленно села напротив.

— Значит, всё-таки прислали.

— Вы знаете, кто я?

Она долго смотрела на него.

Затем подняла руку и коснулась пальцами собственной груди.

— Нет, Элиан. Я не знаю, кто ты.

В её глазах блеснули слёзы.

— Но я знаю, зачем ты пришёл.

Элиан не пошевелился.

— Зачем?

Марта отвернулась к окну.

За стеклом дождь становился всё сильнее. На соседнем доме мигнул фонарь, и на мгновение вся улица погрузилась во тьму.

— Чтобы я наконец сделала выбор, — прошептала она.

— Какой?

Она закрыла глаза.

— Мне нужно решить, стоит ли мне открыть дверь.

— Какую дверь?

Марта снова посмотрела на него.

И впервые за весь разговор её лицо исказилось настоящим страхом.

— Ту, которую я заперла двадцать семь лет назад.

Элиан покинул квартиру незадолго до полуночи.

Марта не стала рассказывать больше. Не потому, что не хотела, — он чувствовал, что ей необходимо выговориться, — а потому, что каждый раз, когда разговор приближался к тому самому решению, она словно упиралась в невидимую стену.

В конце концов она попросила его уйти.

— Завтра, — сказала она у двери. — Приходи завтра. Ес-

ли всё ещё захочешь знать правду.

— Я приду.

— Не обещай того, чего не можешь выполнить.

Элиан вспомнил предупреждение Кассиэля о человеческих обещаниях и чуть не улыбнулся.

— Я постараюсь.

— Вот это уже лучше.

Дверь закрылась.

Он остался один на лестничной площадке.

Впервые с момента прибытия на Землю он почувствовал, что поручение действительно принадлежит ему. Не Канцелярии, не наставникам, не тем, кто составлял правила и определял допустимые пределы вмешательства.

Ему.

И это чувство оказалось страшнее любого приказа.

Элиан вышел на улицу.

Дождь почти закончился. Над крышами домов висело тяжёлое облачное небо, и в его глубине, там, где человеческий глаз видел только темноту, ему снова почудилась тонкая чёрная линия.

Он остановился посреди тротуара.

— Я вижу тебя, — прошептал он.

Ничего не произошло.

Ни вспышки, ни голоса, ни движения в облаках.

Только где-то вдалеке ударил колокол.

Один раз.

Затем второй.

Элиан нахмурился.

Он не знал, который час, но почему-то был уверен, что эти удары не принадлежали ни одним из часов, существовавших на Земле.

Колокол прозвучал в третий раз.

И тогда голос вернулся.

Не из неба.

Не из-за спины.

Он возник прямо внутри сознания Элиана — тихий, почти ласковый, будто говоривший давно знал его и просто ждал подходящего момента.

Ты пришёл не к той женщине.

Элиан замер.

Он вспомнил слова Кассиэля.

Если услышишь голос, не отвечай ему.

— Кто ты? — всё-таки прошептал он.

Мир вокруг не изменился.

Но чёрная линия в небе медленно расширилась.

И голос произнёс:

Наконец-то ты начал задавать правильные вопросы.

Затем всё стихло.

Элиан долго стоял под мокрым небом, не чувствуя ни холода, ни усталости.

Он нарушил первое правило ещё до того, как успел понять, зачем оно существовало.

А где-то далеко, в месте, которого не было ни на одной человеческой карте, что-то ответило на его непослушание.

И впервые за очень долгое время в Канцелярии Последнего Света погасла одна из ламп.

Никто не заметил этого сразу.

Кроме Азраэля.

Архангел поднял голову от раскрытой книги и посмотрел на пустое место среди бесчисленных огней.

Затем медленно закрыл книгу.

— Значит, всё-таки началось, — произнёс он.

И в тишине огромного зала ему ответил голос, которого не слышал никто другой:

Не этого мы ждали.

Глава четвёртая. Дверь, которую нельзя открывать

В Канцелярии Последнего Света никогда не гасли лампы.

Так было всегда.

Свет здесь не зависел от времени суток, не нуждался в огне и не подчинялся законам, которые действовали в мирах за пределами Канцелярии. Он исходил из самих стен, струился по высоким сводам, отражался в прозрачных перилах бесконечных лестниц и ложился на страницы книг, в которых хранились человеческие судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.